

ГОД ИЗДАНИЯ XIV
№ 43 (650)ВОСКРЕСЕНЬЕ
26 ОКТЯБРЯ 1958ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Johrg. 14 Nr. 43 (650)

Russische Wochenzeitung • POSSEV-Die Aussaat • Frankfurt M., Merianstr. 24a

Sonntag 26. 10. 1958

Присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии по литературе

23 октября с. г. шведская королевская Академия присудила ежегодную Нобелевскую премию по литературе нашему русскому поэту и писателю Борису Пастернаку, за его современную лирику и «следование великим традициям русской повествовательной литературы».

Б. Л. Пастернак, сын художника Л. О. Пастернака, родился в 1890 году. Первый сборник его стихов «Близнец в тучах» вышел в 1914 году, второй «Поверх барьеров» — в 1917 году. В 1923—1924 годах Б. Пастернак был сотрудником журнала «Лев», в 1926—1927 годах написал поэмы «Лейтенант Шмидт» и «1905 год», насыщенные революционным пафосом, сочетающимся с обычным для Пастернака лиризмом. В 1927 году вышел сборник его стихов «Две книги». Его перу принадлежит также роман в стихах «Спекторский». Пастернак написал также несколько вещей прозой: рассказы «Детство Люверс», «Письмо из Тулы», автобиографическую «Охранную грамоту».

Но, конечно, самым исключительным его произведением в прозе является эпохальный роман «Доктор Живаго», столь нашумевший ныне в мире.

Роман «Доктор Живаго», который, несомненно, сыграл решающую роль в присуждении ему Нобелевской премии, издан за границей в прошлом году. Советские издательства его отвергли. Это замечательное произведение о России, революции и любви подтверждает всем, что дух неистребим, что «свобода души уже пришла».

Пастернак шел и идет своим независимым путем в творчестве, за что подвергается постоянным гонениям со стороны партийной критики. Последняя нападает на него за «вычур-

ность», «несозвучность социалистической эпохе», «чуждую идеологию», за позицию «интеллигента-одиночки». В действительности «вина» Пастернака состоит в свободном взлете его творчества, чуждом каких-либо партийных канонов.

Мы счастливы отметить, что в журнале «Грани» (№№ 34—35, апрель—сентябрь 1957 г.), выходящем в издательстве «Посев», были напечатаны прекрасные стихи Пастернака, ходившие в рукописном виде из рук в руки в России (эти стихи ныне опубликованы в романе «Доктор Живаго») и что «Посев» не раз останавливался на достоинствах романа «Доктор Живаго». В предыдущем номере («Наскоки на Сиорана и Камю»), говоря о партийном критике Н. Разгорове и его статье в «Литературной газете» от 25 сентября, мы писали: «Н. Разгорову не нравится, что Камю удостоен Нобелевской премии. Здесь можно предположить, что разговоры, которые ведутся как в Москве, так и за границей, о том, что к Нобелевской премии будет представлен Б. Л. Пастернак за роман «Доктор Живаго» заставляют партию заранее дискредитировать шведскую Академию».

Присуждение одной из величайших литературных премий мира Б. Л. Пастернаку собранием объективной иностранной академии вызовет несомненно огромный резонанс в нашей стране и особенно среди творческой интеллигенции и повергнет в сильное замешательство коммунистических надсмотрщиков над литературой.

Мы с глубоким чувством восхищения талантом Б. Л. Пастернака, неугасимым свободным духом его творчества, горячо поздравляем писателя с заслуженной славой.

Новые хрущевские „идеи“

Хрущев на днях выезжал в Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область для вручения орденов. На пути в Москву он, кроме того, остановился в селе Калиновке Курской области — на его родине.

Всюду он произносил речи, которые опубликованы в центральных газетах от 15, 16, 17 и 21 октября.

В Ставропольской речи Хрущев, говоря о предстоящем XXI съезде КПСС, заявил, что «цифры», характеризующие развитие нашей экономики в предстоящие семь лет, кажутся просто невероятными и предсказал: «когда эти цифры станут известными, весь мир изумится перспективами развития социалистической экономики».

А пока он констатировал, что «колхозы и совхозы все еще маловато производят мяса» и даже в передовом Ставропольском крае, награжденном орденом Ленина, успехи по производству мяса «более скромные». Хрущев во всех речах промолчал о соревновании с США.

В этой речи Хрущев выдвинул «идею», что «агрономы, инженеры, председатели колхозов, директора совхозов, партийные и советские работники должны знать машины и уметь работать на них (выделено здесь и ниже нами. — Ред.), а также «идею» переоборудования прицепных комбайнов в самоходные с целью высвобождения тракторов.

В Ростове Хрущев разыгрывал роль щедрого богача и благодетеля. «Здесь говорилось, — указал он, — что ростовчане хотят продать еще семь миллионов пудов хлеба... Если у вас действительно есть возможность продать 7 миллионов пудов хлеба, — пожалуйста, продавайте, это можно только приветствовать. Но мы вам говорим, что страна получает хлеба значительно больше, чем в прошлые годы, мы не последний кусок доедаем... Но если вы ради того, чтобы сдать еще семь миллионов пудов, будете кое-где под метелку подметать закрома, то это может пойти в ущерб общественному хозяйству колхоза (личные нужды колхозников для Хрущева ничто.

Речи в Ставрополе, Ростове, Краснодаре и селе Калиновке

— Ред.), и в таком случае они нам не нужны».

В то же время Хрущев не преминул показать оскал своих зубов, когда говорил о расчетах колхозов с государством за технику МТС: «Для сельского хозяйства год сложился хороший, поэтому многие колхозы в этом году могут рассчитаться полностью с государством за машины... Так что ж вы ждете, чтобы я напоминал вам об этом».

В Краснодаре Хрущев назвал «коренным вопросом» вопрос «повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции». При этом он сетовал на то, что «во многих колхозах из-за плохой организации труда и производства покупаемая продукция обходится государству гораздо дороже, чем продукция в совхозах». И тут он выдвинул теорию «рыночных отношений» у порога коммунизма:

«При наличии достаточного резерва и хорошем урожае в дальнейшем государство будет покупать меньше хлеба, чем, например, в этом году. Сейчас мы покупаем его во всех колхозах. Видимо, скоро настанет время, когда государство будет покупать хлеб в тех колхозах, которые будут продавать его по более дешевой цене. Таким образом те колхозы, которые будут вырабатывать дорогой хлеб, окажутся перед серьезными трудностями в сбыте зерна. Государство дорогой хлеб не купит, вряд ли найдется на него спрос и на рынке».

В этой же плоскости он говорил и об овощах, заявив, что правительство намеревается при больших огородах создать специализированные совхозы (сведенные в тресты), которые будут обеспечивать города дешевыми овощами. И тогда государство будет диктовать свои цены на овощи колхозам.

«Такая перестройка системы снабжения овощами — заявил новый капиталистический «трестовик» — заставит руководителей колхозов призадуматься. Торгующие организации будут у них и в дальнейшем покупать продукцию, но на определенных условиях. В этих условиях будет предусмотрено, что колхоз обязуется поставить такие-то овощи в таком-то количестве и такого-то качества в такие-то сроки, а главное по таким-то ценам. Если колхоз предлагает овощи по более высоким ценам, торгующая организация скажет: такие цены для нас не подходят и овощи принимать не будем».

Что касается мяса, молока, шерсти, то тут Хрущев остерегся заявить, что «государство не будет принимать» и лишь убеждал, что себестоимость производства этих продуктов должна быть снижена. Видимо, обилие этих продуктов не предусмотрено и в семилетнем плане на 1959—1965 годы, которым Хрущев собирается «изумить мир».

В селе Калиновке Хрущев убеждал своих «земляков» смириться с тем, что «в связи с введением новых цен... в текущем году несколько снизились денежные доходы» колхозов и колхозников. Он упрекал «отдельных председателей колхозов», у которых «есть стрем-

ление сбыть производимый продукт по возможно более высокой цене» и апеллировал к чувству «солидарности» колхозников с рабочим классом.

«Рабочие тоже хотят, чтобы у них жизнь была еще лучше, чтобы их материальный уровень поднимался с каждым годом. А как дальше улучшить жизнь рабочего? Путем снижения цен на товары. Снижать же розничные цены, скажем, на продукты сельского хозяйства, государство сможет лишь в том случае, если оно будет покупать продукцию колхозов по более низким ценам...».

В своеобразной форме в своей речи в Калиновке Хрущев ухватился за свою старую идею агрогородов, за которую в свое время получил нагоняй от Сталина. Он выдвинул перед колхозниками этого села идею укрупнения колхоза (который имеет 1300 гектаров пашни), путем слияния его с соседними колхозами определив, что «более рентабельным, товарным, более перспективным было бы хозяйство, скажем, в 2,5—3 тысячи гектаров. В таком хозяйстве лучше можно использовать технику, а следовательно обеспечить более высокую производительность труда».

В ответ на опасения колхозников, что подобное укрупнение на какой-то период снизит их доходы, Хрущев предложил оплату труда вести по бригадно: «Что бригада со своей земли получила, то она после продажи государству определенного количества продуктов и создания необходимых фондов и распределяет по трудодням».

В речи в Калиновке Хрущев объявил, «самую суровую борьбу» пьянству и заявил, что «сейчас правительство разрабатывает закон, по которому к пьяницам и к тем, кто содействует пьянству, будут приниматься более суровые меры».

«В ресторанах, — пояснил Хрущев будущий закон, — например, заведем такой порядок: если заказал спиртное, то дать одну рюмочку, а вторую запретить, не полагается. Некоторые могут сказать, ну что же, не дадут в этом ресторане, пойдет в другой и там другую рюмку выпьет. Пусть идет. Если найдутся любители пяти чарочек, им придется идти в пять ресторанов, пока их обойдут, протрезвеют».

«Установим строгий порядок на улице. Если появится пьяный, позволяющий себе оскорблять прохожих, хулиганить, — на первых порах таких людей будут отправлять в специальные помещения, где хулиганов приведут в порядок, отрежут, возьмут с них соответствующий штраф. Если будет более грубое хулиганство, органы по охране порядка к таким лицам применят более суровые меры».

«Это не значит, — оговорил Хрущев, что мы хотим ввести какой-то сухой закон». Но это значит, — добавим мы от себя, что пьянство в стране приняло неслыханные размеры, о чем кричит сегодня без умолку и сама партийная печать, не объясняя: почему это? Перед чем это?

*

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

А. Светов. Революция, открывшая новую эпоху. — Л. Дубравин. В милях... (фельетон). — А. З. Новое похищение? — Вторая годовщина Венгерской народной революции: И. Н. В те дни... Дьердь Эшти. Краткое торжество свободы печати. Л. Мансырев. Книга венгерского студента. Е. Андреевич. Террор бессилён! Н. К. Кадаровское «в основном». Доктор З. Конт. Забыли ли вы это, Кадар? — Д. Ушинин. Главное приобретение — освободительные идеи. — А. Н. «Незаживающая рана». — Глеб Рар. Цзиньмыньская победа.

В конечном счете все противоречивые «прожекты» Хрущева отражают бездорожье идеологически обанкротившейся власти, к которой подступают волны народной стихии. И поскольку она не может изменить себе в главном — в диктаторской сущности своей политической системы, она обречена на метания и импровизации в идеологии, политике и практике «коммунистического строительства».